

чинов в своих письмах и воспоминаниях развивали ту мысль, что присоединение Закавказья к России создало условия для экономического и культурного развития этих стран.

Присоединение Армении к России с большим воодушевлением и теплыми чувствами приняли великие сыны армянского народа Х. Абовян, А. Аламдарян, М. Тагнядян и другие.

«...и разрушение ада,— пишет Х. Абовян,— не имело бы для грешников той цены, как взятие Эриванской крепости для армян». Многие (армянское население Эривани — В. М.) бросаются на шею солдатам и замирают у них на груди в душевном умилении». «С тех пор, как Армения потеряла свою славу, с тех пор, как армяне вместо меча подставляли врагу свою голову, не видели они такого дня, не испытывали подобной радости» (Х. Абовян, Раны Армении, стр. 272).

Поэт и общественно-политический деятель Аламдарян был уверен, что присоединение Армении к русской империи будет иметь огромное прогрессивное значение в дальнейшей судьбе армянского народа. Как справедливо отмечает автор, Аламдаряну принадлежат немалые заслуги в организации армянских добровольных полков.

М. Нерсисян обстоятельно анализирует также взгляды многих армянских деятелей, находившихся вне Армении. Из далекой Индии в ноябре 1827 г. Тагнядян отправляет в Эривань своим соотечественникам специальное письмо, в котором пишет: «Поздравляю вас, что наша сладостная страна освободилась от тяжелого персидского ига... мои дорогие сограждане, такого счастья, которое выпало на вашу долю, не переживали наши предки даже во времена царствования Аршакидов» (стр. 238).

Автор рецензируемого труда выявляет характерные особенности экономико-политического и культурного развития Закавказья и Армении. Бурным подъемом промышленности был обусловлен значительный рост населения городов Закавказья. Для убедительности автор отмечает, что если в 1865 г. в Баку было 14 тысяч жителей, то в 1827 г. число жителей достигло 112 тысяч. В Тифлисе в 1875 г. было 87 тысяч жителей, в 1897 г. — 160 тысяч, в Эривани в 1865 г. насчитывалось 14 тысяч жителей, а в 1897 г. — 29 тысяч, в Александрополе в 1865 г. было 16 тысяч жителей, а в 1897 г. — 32 тысячи (стр. 229).

В рецензируемой работе, однако, не выявлены некоторые вопросы, которые непосредственно связаны с выдвинутыми автором проблемами.

Говоря о русско-турецкой войне конца XVIII в. и о русско-персидских войнах начала XIX в., автор не останавливается на тех противоречиях, которые имелись между англо-французской группировкой и русским правительством. Известна ожесточенная борьба западноевропейских стран против царской России. Они прибегали ко всевозможным средствам для укрепления позиций Турции и Персии и для воспрепятствования присоединения Закавказья к России.

Автор не с достаточной определенностью разграничивает интересы различных общественных слоев в акте присоединения Армении к России.

Желательно, чтобы при издании книги на армянском языке автор преодолел такого рода недостатки. Труд проф. М. Нерсисяна — это серьезное научное исследование и новое достижение армянской советской историографии.

В. МЕЛИКСЕЯН

Агаян Ц. П. „Крестьянская реформа в Азербайджане в 1870 году“

Рецензируемая работа посвящена одному из значительных и вместе с тем малоизученных и малоосвещенных в досоветской и советской историографии разделов истории азербайджанского народа.

В ней излагается история крестьянского вопроса в Азербайджане, история непрекращавшейся и все нараставшей борьбы трудовой крестьянской массы на протяжении

* Издание Академии наук Азербайджанской ССР. Баку, 1956, 404 стр.

всего XIX в. за землю и свою свободу против гнета местных феодалов и произвола царских чиновников.

Основные вопросы истории крестьянства Азербайджана рассматриваются автором в органической связи с историей крестьянства России в целом и, в частности, в непосредственной связи с историей крестьянства Закавказья. Этим самым работа Ц. П. Агаяна приобретает интерес не только для изучающих историю азербайджанского крестьянства, но и для более широкого круга историков.

На общем фоне развития от феодализма к капитализму, автор работы, на основе исторических фактов и критической оценки архивных материалов и литературных источников, старается показать специфические особенности проявления общих закономерностей становления и развития капиталистических отношений в недрах феодализма на конкретном примере Азербайджана. Корни этих специфических особенностей кроются в национальных особенностях быта азербайджанских крестьян, в продолжавшемся веками поработанном состоянии азербайджанского народа в прошлом.

Автор не претендует на исчерпывающее освещение всего комплекса такой сложной проблемы, как постепенный переход от феодализма к капитализму в азербайджанской действительности. Задачу своей работы он ограничивает сосредоточением главного внимания на изучении истории одного из важных переломных периодов в жизни азербайджанского крестьянства — периода введения закона 14 мая 1870 г.

Аннотируя работу по отдельным ее разделам, следует отметить следующее.

В введении дается обзор имеющейся литературы по данному вопросу и критическая оценка работ отдельных авторов: А. Д. Ерицова, П. Н. Ягодинского, М. Кучаева, П. В. Котляревского, А. Н. Арасханянца, А. Е. Хан-Агова, С. Л. Авалиани и др.

Автор особенно критикует тех авторов и царских чиновников, которые исходят из явно неверных по его мнению положений, отрицающих существование крепостничества в Азербайджане или утверждающих, что крепостное право здесь было введено М. С. Воронцовым. В этой связи автор правильно отмечает, что местная буржуазно-националистическая историография всячески старалась затушевать классовые противоречия в общественном строе и наличие классовой дифференциации и классовой борьбы в азербайджанской деревне.

Глава первая начинается кратким обзором политического и социально-экономического положения Азербайджана в XVIII в., характеризующегося феодально-крепостническими отношениями, еще тесно переплетавшимися с патриархально-родовыми отношениями. Здесь же отмечается усиление к концу XVIII в. ориентации азербайджанского народа на Россию.

Автор особо подчеркивает огромное историческое значение присоединения Азербайджана, как и всего Закавказья, к России и огромную прогрессивную роль этого исторического акта в жизни и в дальнейших судьбах закавказских народов.

По мере присоединения отдельных ханств к России, во главе их ставились коменданты. Комендантские управления, являвшиеся органом полицейской и судебной власти, положили начало государственному управлению, но еще не обеспечивали единства управления и судопроизводства.

На большом конкретном историческом материале автор в этой главе показывает, как русский царизм в первые годы после присоединения Азербайджана к России осуществлял задачи, связанные с политико-административным освоением Азербайджана, а затем уже, в особенности после Туркменчайского договора, начал ставить задачу о постепенном экономическом освоении. Стремление экономического освоения Азербайджана, как и всего Закавказья, весьма ярко было выражено еще в проекте министра финансов гр. Канкрин (1827 г.), мечтавшего о превращении Закавказья в своего рода «ловую Российскую восточную Индию».

Проект Канкрин, равно как и осуществляемые царским правительством многие мероприятия, как например, введение в 1831 г. запретительной таможенной системы, уничтожение рахтарских статей феодального средневековья и т. д., — все это отражало интересы и соответствовало интересам развивающейся русской мануфактурной промышленности, требовавшей расширения внутреннего рынка, превращения Закавказья в сырьевую базу и в рынок сбыта русских товаров.

Однако все эти и подобные им мероприятия в условиях общей отсталости феодально-крепостнической России того времени не имели большого успеха. Подлинное экономическое освоение Закавказья началось лишь после отмены крепостного права и в особенности после проведения железной дороги, соединившей Закавказье с центральными губерниями России.

Обусловленная интересами и требованиями развивающейся молодой российской промышленности, колониальная политика царизма настоятельно требовала распространения действия российских законов на весь Закавказский край, в том числе и на Азербайджан. Вот почему царское правительство, начиная уже с 30-х годов, решительно стало вводить во всех закавказских провинциях российский образ управления и российские законы с тем, чтобы водворить в Закавказье те же порядки, что и во внутренних губерниях России.

Во второй главе, говоря о видах земельной собственности, автор отмечает, что во время присоединения Азербайджана к России здесь было два разряда землевладельцев: мюлькадары и тиюлисты или тиюльдары.

Автор приходит к правильному выводу, что основным видом землевладения было мюлькадарское, т. е. частный способ землевладения. Тиюль, общинный и другие способы землевладения не были решающими, хотя и имели важное значение в экономической жизни Азербайджана.

На основании многочисленных архивных данных автор показывает и особо подчеркивает крайнюю неразбериху, неопределенность и произвольное смешение форм землевладения и землепользования и в связи с этим — исключительно тяжелое положение крестьян. Многие феодалы насильственно завладевали целыми деревнями, новыми земельными угодиями и казенными землями, незаконно присваивая себе право мюлькадара, или тиюльдара, или же того и другого вместе.

Более того, царское правительство, боясь потерять в лице феодалов свою надежную опору, само стало широко практиковать награждение феодалов и особо преданных ему лиц земельными угодиями, а рескриптом 6 декабря 1846 г. как мюльк, так и тиюль признало потомственными владениями.

Таким образом, частное землевладение не только не перестало быть основной формой землевладения, но, наоборот, еще более укрепилось, как ведущая форма землевладения.

Говоря о феодальной собственности и крепостном праве в Азербайджане, автор, ссылаясь на многочисленные примеры, отмечает, что *ранджбары* (прикрепленные к земле крестьяне) не имели права оставлять своего владельца, переходить самовольно к другому владельцу или переселяться в город. В случаях самовольного перехода или побега владельцы при помощи царских властей водворяли их на место и строго наказывали.

Крестьяне были прикреплены к земле, а земля с населенной местностью являлась собственностью феодала, и он имел право распоряжаться ею, как ему заблагорассудится — продать, заложить, сдать в *абенду* или подарить.

Пользуясь богатыми архивными и другими документами, автор показывает все ухудшающееся положение трудового крестьянства и наличие крепостного права, глубоко вошедшего в быт со всеми своими характерными чертами.

Третья глава посвящена борьбе крестьянства против феодально-крепостнических отношений в дореформенный период.

Борьба крестьян, направленная против произвола царских властей на местах, одновременно все в большей мере приобретала характер борьбы против феодальных порядков, переходя временами в прямое восстание против феодализма и царизма. Однако основной формой борьбы все еще оставалась пассивная форма — подача жалоб, как устных, так и письменных, как одиночных, так и групповых.

Первым наиболее крупным восстанием было восстание кубинских крестьян в 1837 г. Часто к восстаниям крестьян примыкали и обиженные царским правительством феодалы и другие владетельные особы, стараясь использовать восстания крестьян в своих выгодах и целях.

Участившиеся восстания заставили царское правительство пересмотреть и изменить

проводимую в Закавказье политику. Был взят курс (в особенности в период наместничества Воронцова), предусматривающий ряд уступок и льгот местным феодалам — бекам, агаларам и меликам и присвоение им ряда прав русских и грузинских дворян. Этим царизм хотел создать себе опору в борьбе против восставших крестьян. Но такая политика привела к еще большему развитию крестьянского движения, принимавшего все более острый характер.

Крестьянская борьба в Азербайджане, как и во всем Закавказье, подчеркивает автор, все в большей степени вливалась в общероссийский поток борьбы против феодально-крепостнического строя и носила революционный и исторически прогрессивный характер. Крестьянское движение в Закавказье усилилось особенно после реформы 1861 г. в России и в 1864 г. в Грузии. Ширилась идея освободительного движения. Идеи великих русских революционных демократов — Герцена и Белинского, Чернышевского и Добролюбова, пламенная пропаганда крупного азербайджанского мыслителя-материалиста Мирза Фатали Ахундова и в армянской действительности великого революционного демократа Микаела Налбандяна все глубже проникали в среду закавказских трудящихся масс и вдохновляли их на борьбу против крепостничества.

Создавшаяся обстановка вынуждала царское правительство приступить к проведению крестьянской реформы во всем Закавказье.

В четвертой главе дается характеристика и оценка периода подготовки «освобождения» крестьян.

Исходя из правильного положения о том, что классовая борьба оказывает непосредственное влияние на политику господствующего класса, автор в этой главе освещает историю законодательной деятельности правительства и прослеживает не только возникновение и издание того или иного закона, но и практическое применение в жизни соответствующих законодательных актов.

Ряд реформ, предшествовавших реформе 1870 г., не внес существенных изменений в систему управления Азербайджаном. Однако эти реформы и другие мероприятия судебно-административного порядка все же явились шагом вперед, поскольку они усиливали процесс разрушения патриархально-крепостнических устоев и способствовали проникновению новых, буржуазно-капиталистических отношений.

Далее автор на конкретных примерах показывает, как в общественном течении этого периода все больше проявляются и усиливаются прогрессивные и демократические тенденции, чему в очень сильной мере способствовало все большее приобщение к передовой русской культуре и возрастающее влияние революционного по своему существу крестьянского движения в России.

В конце главы автор подробно характеризует и критически оценивает всю деятельность «Комитета по устройству крестьян», подготовившего проект реформы 1870 г. Особо автор останавливается на характеристике и оценке деятельности беких комиссий.

В пятой главе дается подробная характеристика закона 1870 г. Здесь же приводятся данные о числе владельцев и крестьянских дымов, подлежащих «освобождению».

Сопоставляя размеры надела по уставным грамотам и по семейным спискам, автор показывает, что фактически наделы оказались на много меньше, чем по уставным грамотам. К тому же полученные в надел земли были худшими и чересполосными. Крестьяне оказались без выгонов и пастбищ и даже без воды. Все это находилось в руках помещиков.

Таким образом, крестьяне попали в еще большую экономическую кабалу. Им ничего не оставалось делать, как «добровольно» идти на барщину.

Уставные грамоты составлялись мировыми посредниками. Ими же проводились оценки земельных наделов.

Как правило, мировые посредники соблюдали интересы помещиков. Это вызывало большое недовольство крестьян и приводило к судебным спорам, которые затягивались на многие годы и даже десятилетия и, обычно, разрешались в пользу владельцев.

Крестьяне неохотно шли на выкуп наделенной земли. Причина — тяжелые условия выкупа и, в частности, все возрастающая цена на землю. Многие крестьяне вовсе отказывались от выкупа. Все это приводило к обезземелению и закабалению крестьян. В случаях же выкупа крестьяне попадали в кабалу к ростовщикам, так как вынужде-

ны бывали брать у них ссуды для платежей по выкупу на чрезвычайно невыгодных условиях.

Говоря о податях и повинностях, автор приводит массу примеров, свидетельствующих о том, что подневольный труд крестьян применялся в широких размерах и после реформы 1870 г.

С введением уставных грамот отбывание повинностей рабочими днями было отменено и заменено денежной повинностью. С момента издания «Положения» 14 мая «повинности, вносимые натурой — скотом, маслом, сыром и пр., также были заменены денежной повинностью. Это все не только не облегчило, но еще более ухудшило положение крестьян. Последние для выплаты повинностей вынуждены бывали обращаться к ростовщикам, окончательно разорялись и шли в кабалу к помещику. Подневольный труд продолжал применяться с еще большей выгодой для помещиков, а число незаконных податей, сборов и поборов еще более увеличилось.

В шестой главе автор подробно характеризует положение, создавшееся в пореформенный период.

После реформы 1870 г. начала развиваться в Азербайджане промышленность, главным образом в г. Баку, который в 70-х годах стал быстро расти и превращаться в крупный центр нефтяной промышленности всей России.

Автор довольно подробно дает историю развития нефтяной промышленности Азербайджана, начиная с периода присоединения к России и до конца XIX в. Особо подчеркивается, что большую роль в развитии нефтяной промышленности сыграл иностранный капитал. Наряду с нефтяной промышленностью стали развиваться в Азербайджане медресная, шелковая и ряд других отраслей промышленности.

Баку и другие города Азербайджана после реформы твердо шли по пути капиталистического развития, по пути развития новых, буржуазных отношений. В целом же, говорит автор, Азербайджан все еще оставался в феодально-крепостническом положении и представлял собою рынок сбыта и сырьевую базу для русского капитализма.

Капиталистические производственные отношения постепенно проникали и в деревню.

Сравнительно более быстро эти отношения охватывали хозяйства бывших государственных крестьян, где феодально-крепостнические отношения были более слабыми.

С усилением капиталистических отношений большие размеры принимает аренда землевладение. Появились скупщики земли, которые сдавали ее в аренду крестьянам.

Все это способствовало усилению классовой дифференциации, ухудшало материальное положение крестьян, углубляло классовые противоречия и усиливало классовую борьбу.

Крестьяне все больше попадали в кабалу у скупщиков и ростовщиков, разорялись и превращались в рабочих или сельских пролетариев — батраков. Наемный труд постепенно превращался в основную форму эксплуатации.

Вместе с тем, заключает автор, несмотря на то, что деревня превращалась в арену борьбы двух противоположных общественных укладов, старого, феодального, и нового, буржуазного, экономический быт азербайджанского крестьянства в пореформенный период все же продолжал в своих существенных чертах оставаться старым. Продолжал существовать оброк в виде выкупных платежей, денежной и натуральной арендной платы. Сохранялась и барщина в виде отработочной аренды и батрачества.

Говоря о развитии в сельском хозяйстве капиталистических отношений, автору следовало бы уделить больше внимания вопросу применения наемного труда, ибо это в конечном счете и определяет степень развития капиталистических отношений.

В этой же главе автор довольно обстоятельно говорит о газете «Экинчи» («Плхарь»), которую с 1875 г. издавал (на азербайджанском языке) один из крупных общественно-политических деятелей, создатель азербайджанской периодической печати Гасан-Бек Меликов (Зардаби).

Газета эта наряду с армянской газетой «Мшак» и грузинской — «Броеба» играли в борьбе против феодального гнета и буржуазно-ростовщической эксплуатации крестьян прогрессивную роль.

Говоря о борьбе крестьян против социального и национального гнета после рефор-

мы 1870 г., автор приводит множество примеров, когда крестьяне все чаще и в самых разнообразных формах проявляли свой протест и возмущение против двойного гнета.

Характерно, что теперь уже классовая борьба принимает все более активный характер, и одной из форм такой борьбы становятся поджоги и разгром имущества феодалов, насильственное изгнание их из деревни, избиение и даже убийства отдельных феодалов и царских чиновников.

В этой связи автор приводит большое число весьма ярких примеров и данных, показывающих динамику роста крестьянских «преступлений» по отдельным уездам Азербайджана как в количественном отношении в целом, так и по характеру этих «преступлений». При этом автор особо подчеркивает замечаемую закономерность в том, что максимальное число «преступлений» и наиболее острые формы классовой борьбы имели место в тех районах, где более сильно проявлялся гнет помещиков и где раньше всего начали развиваться товарно-денежные отношения, как, например, в Нухинском, Кубинском уездах и др.

Оценивая историю крестьянских волнений в Азербайджане в послереформенный период, автор подчеркивает стихийный, разрозненный характер классовой борьбы, осуществляемой еще без определенных и ясных политических задач. Вместе с тем автор правильно заключает, что непрекращавшаяся классовая борьба крестьян Азербайджана, как и всего Закавказья, хотя и не могла увенчаться более или менее заметным успехом, тем не менее она подтачивала основы власти закавказских эксплуататоров и их царских покровителей.

Глава VI заканчивается анализом причин усиливающегося процесса ухода крестьян в города.

Значительная часть «освобожденных» реформой 1870 г. крестьян очутилась в положении фактически обезземеленных и лишенных всяких средств производства. Крестьяне массами стали превращаться в сельских батраков и городских рабочих.

Формирование кадров промышленного пролетариата оказало значительное влияние и на азербайджанскую деревню. Рабочие, являясь выходцами из крестьян, сохраняли связь с ними и способствовали революционизированию деревни.

С организацией в 1901 г. Бакинского Комитета РСДРП революционное движение принимает уже организованный характер, и никакие угрозы, аресты и высылки не могли задержать рост этого движения как вширь, так и вглубь.

Работу свою автор заканчивает исторической оценкой крестьянской реформы в Азербайджане, подытоживая и обобщая сделанные уже им выводы в отдельных главах работы.

Значение крестьянской реформы, осуществленной в России, в том числе и реформы 1870 г. в Азербайджане, заключалось в том, что она в известной мере сломила старые феодально-крепостнические порядки, расчистила путь для развития капиталистических отношений и ускорила процесс формирования самого революционного класса — пролетариата, создателя нового бесклассового общества.

Таково вкратце содержание рецензируемой работы.

Работа не лишена и недостатков. К числу их, помимо уже отмеченных нами, прежде всего следует отнести некоторую растянутость в изложении, имеющиеся местами повторения, несоблюдение в достаточной степени пропорций между отдельными частями работы и др.

Говоря о книге в целом, следует сказать, что она построена в широком плане. В ней излагается не только непосредственная история периода введения крестьянской реформы 1870 г., но и освещаются социально-экономическое и политическое положение азербайджанского народа задолго до введения этой реформы, начиная со времени присоединения Азербайджана к России, а также в послереформенный период, вплоть до начала XX в.

Ц. П. Агаян проделал большую и полезную работу, собрал и обобщил огромный фактический материал по истории крестьянской реформы в Азербайджане.

Рецензируемый труд, наряду с изданным в 1955 г. Институтом истории и философии АН Азербайджанской ССР коллективным трудом «Присоединение Азербайджана

к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры», безусловно восполняет пробел в советской историографии.

ЭМ. ТЕР-АКОПЯН, М. ИСМАИЛОВ

ՆԱՄԱԿ ԽՈՐԱԳՐՈՒԹՅԱՆԸ

Միանգամայն ուրախալի է, որ «Տեղեկագրի» խմբագրությունը 1956 թ. № 11-ում տպագրել է հուլիսի 1921 թ. դաշնականների կողմից էջմիածնում բանտարկված ընկերների և էջմիածնում տեղի ունեցած կոիվների մասին: Սակայն ընկ. Արշ. Խաչատրյանի հիշողությունների մեջ տպոգրել են սխալներ, որոնց մասին անհրաժեշտ էմ համարում տեղեկացնել Ձեզ մի երկու խոսքով:

Ձեր հրապարակած հիշողության մեջ ասված է. «Դաշնականների ուշագրության և հարձակման հիմնական օբյեկտը լինում է Չեկայի (Արտակարգ հանձնաժողովի) շենքը, որը խիստ դիմադրություն է ցույց տալիս ու մի քանի անգամ ետ շարժում դաշնականների հարձակումը՝ նրանց պատճառելով մեծ կորուստներ: Այդ անհավասար մարտերում ընկնում են էջմիածնի Արտակարգ հանձնաժողովի նախագահ, Մալխյան աստամբուլյան ակտիվ մասնակից Նավասարդյանը»:

Այս հտուվածում ամեն ինչ ճիշտ է ասված, բացի երկու մոմենտից. էջմիածնի Արտակարգ հանձնաժողովի նախագահ էր ոչ թե Նավասարդյանը, այլ Լևոն Նալբանդյանը: Վերջինս ոչ թե սպանվել է վերը նկարագրված կոմի ժամանակ, այլ նիկալ ենդիրարյանի և տողերիս գրողի հետ միասին՝ ճեղքել է դաշնականների շրջապատումը և դուրս եկել էջմիածնից: Թնայեա պատմում է ընկեր ենդիրարյանը, Լևոն Նալբանդյանին դաշնականները ձերբակալել և գնդակահարել են Երևանում: Այդ պատճառով էլ Լևոն Նալբանդյանի անունը չկա Ձեր տպագրած հոդվածի այն մասում, ուր թվարկված են էջմիածնում գնդակահարված կոմունիստները: Լևոն Նալբանդյանը, իրոք, ակտիվ կերպով մասնակցել էր Մալխյան աստամբուլյանը Մարիդամիչում և, իբրև կոմունիստ, 1920 թ. բանտարկվել էր դաշնակցականների բանտում:

Արշ. Խաչատրյանի հիշողություններում ասված է նաև, որ «Դաշնակ ավանտյուրիստները, համախմբվելով Արագածի լեռնալանջի սասունցի գաղթականների գյուղերում, Ս. Վրացյանի գլխավորությամբ, նախապատրաստել էին զինված ավանտյուրա և փետրվարի 17-ին հարձակվել էջմիածնի վրա»:

Ճիշտ է, որ փետրվարյան բանդիտական արկածախնդրության հրահրողն ու կազմակերպիչը հայ ժողովրդի սխերիմ թշնամիներն էին՝ Վրացյանը և ուրիշները: Բայց ստացվում է այն տպավորությունը, թե էջմիածնի վրա հարձակվող ավազակախմբի անմիջական խմբապետը եղել է Վրացյանը:

Սակայն էջմիածնի վրա, փետրվարի 17-ի ցերեկվա ժամը 12-ին մոտ, հարձակում կատարեցին խմբապետ Կարո Սասունու բանդիտները: Մեզ՝ թվով 14—15 մարդու, էջմիածնի Արտակարգ հանձնաժողովի շենքում, հանկարծակի շրջապատեց նրա ոհմակը, ձիավորների բավական մեծ, բայց խառնիճաղանճ ամբոխով: Մեզ հաշտվեց ոչ միայն հետ մղել նրանց հարձակումները մեր շենքի վրա, այլև դուրս դալ շենքից, զիբբեր բռնել էջմիածնի հրապարակում (ներկայիս ռայկոմի և ռայգործկոմի շենքի գիմաց), մի շարք անգամներ ետ մղել նրանց հեծելազորային զրոհները տարբեր փողոցներից:

Այդ կոմի մի քանի մոմենտները ես նկարագրել եմ «Առաջին կոմունարը» վերնագիրը կրող իմ հուշերի մեջ, որը 1925 թ. լույս տեսավ «Սխառտանք» ամսագրում և առանձին բրոշյուրով: Այնտեղ հիշատակված է նաև Լևոն Նալբանդյանի և նիկալ ենդիրարյանի մասին: Այդ օրը, իրոք, բավական կորուստներ ունեցավ Կարո Սասունու ավազակախումբը, կոմում մեր ընկերներից սպանվեց միմիայն մեկը, բայց ոչ Նավասարդյանը: Հստ երևույթին ընկ. Արշ. Խաչատրյանին թյուրիմացության մեջ է ձգել Նավասարդ. Նավասարդյանի անունը, որ հիշատակված է էջմիածնում գնդակահարված 15 ընկերների անվանացուցակում:

Քանի որ առիթ է ներկայացել (այդ մասին մամուլում, ինչքան հիշում եմ, չի գրված), կարծում եմ, արժե հիշատակել, որ փետրվարի 17-ին էջմիածնում, դաշնակ ավազակախմբերի գեմ կոիվ էր տեղի ունենում ոչ միայն Արտակարգ հանձնաժողովի շենքի շուրջը, այլև Հոփ-սիմեի վանքի մոտ:

Ենդիրն այն է, որ փետրվարի 17-ին դաշնակցական բանդաները առաջին հերթին ներ-